На службе Великого дома

Автор:
Роман Злотников

На службе Великого дома

Роман Валерьевич Злотников

Землянин #3

Его знают здесь под именем Ник-Сигариец. Он молод, дерзок и удачлив. Он не боится рисковать и ставить на карту все ради достижения своей цели. Судьба бьет его снова и снова, но он всякий раз упрямо встает и делает новый шаг. От трущоб – к звездам. От крохотного «мусорщика» – к огромному крейсеру, бороздящему неизведанные глубины космоса. От безвестности – к лидерству в клане гордых лузитанцев. И пусть он чужой в этом мире, но он заставит всех считаться с собой. Ведь он – землянин…

Роман Злотников

Землянин. На службе Великого дома

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Р.В. Злотников, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Пролог

– Вау, ну и здоровенная ж дура!

Услышав этот возглас, старший диспетчер башни управления пустотным движением торговой станции «Триммин-Коррейн» покосился на удивленного стажера, а затем перевел взгляд на центральный обзорный экран, на котором шла визуализация того, что видели дежурный диспетчер и стажер по своей сети. Ну да, картографический крейсер «Искатель Терры», только что вышедший из прыжка в зоне «Браво-семь», при первом взгляде производил очень сильное впечатление. Особенно здесь, на Окраине…

* * *

«Триммин-Коррейн» была небольшой заштатной торговой станцией, расположенной в ближнем Фронтире, который и именовался Окраиной – семьдесят уровней, три дока, торговые склады и износ в шестьдесят два процента. Все точно так же, как и у остальных… Нет, владельцы станции изо всех сил пытались поддерживать ее в пристойном состоянии, но здесь, во Фронтире, это было не так-то просто. Любая железяка, даже давно устаревшая и изрядно изношенная, здесь стоила просто немерено, поскольку либо ее приходилось тащить очень издалека, либо ее добыча была сопряжена с немалым риском и весьма солидными затратами. Поэтому, несмотря на все усилия владельцев, за последние десять лет коэффициент износа у станции не только не снизился, но и увеличился на целых два процента. То есть с шестидесяти до шестидесяти двух. И это несмотря на то что администрация станции безжалостно принуждала шахтеров, мусорщиков и наемников, базирующихся на станции, продавать ей добытые и захваченные в бою с пиратами ресурсы по максимально сниженным ценам, то есть не более чем за тридцать процентов от рыночной стоимости. Добычей, подлежащей продаже по сниженной цене, считались компоненты, а также системы и механизмы, которые можно было использовать для поддержания станции в рабочем состоянии (а таковыми числилось едва ли не две трети всех добываемых систем и компонентов из числа тех, что имели половинный и более остаточный ресурс). И продавали ведь. А куда было деваться? Такая политика имела место на всех без исключения станциях Окраины, потому что все они в той или иной степени представляли из себя клоны «Триммин-Коррейн», отличаясь лишь степенью износа…

Вернее, не совсем так: конструкционные отличия у них как раз были весьма значительными, ибо любая станция Окраины, как правило, представляла собой некий уже сильно устаревший пустотный объект, когда-то выкупленный у прежнего владельца по цене металлолома. На этот металлолом устанавливалось несколько дополнительных модулей, как способных обеспечивать функционирование данной кучи хлама вдали от цивилизованного космоса и в условиях отсутствия нормального снабжения, так и тех, которые должны были в этих условиях приносить владельцам станции некую дополнительную денежку. Причем модули эти почти всегда были также куплены по бросовой цене и соответственно в таком же убитом состоянии. После этого получившийся уродец обвешивался мощными одноразовыми ускорителями и забрасывался разгонными вратами в избранную систему Окраины, где и начинал функционировать в качестве торговой станции. Поэтому никакого конструкционного стандарта для подобных станций просто не существовало (да и вообще никакого стандарта для них не существовало по большому счету). Но и сам принцип, по которому строились эти станции, и общее для всех назначение, да и вообще весь порядок жизни здесь, во Фронтире, как-то незаметно приводили к одному: несмотря на внешние различия, все обитатели Окраины – от владельцев станций до последнего оператора уборочных дроидов – оказались загнаны в некие жесткие рамки даже не законов, а… традиций, понятий и привычек. Во многом неписаных, но тем не менее строго, практически неукоснительно соблюдаемых во всех областях жизни и взаимоотношений. Причем не только постоянными обитателями станций и их владельцами, но и пустотниками, проводящими большую часть времени в космосе и стыкующимися со станцией только для того, чтобы пополнить расходники, заправиться топливом, продать добытое и… ну… слегка так оттянуться. Нет, они были не совсем уж всеобъемлющими, поскольку и возможности, предоставляемые станциями, и их расположение, и всякие иные мелкие нюансы обусловливали появление неких небольших отличий во внутреннем распорядке, а также цен на топливо, расходники и услуги и все такое прочее. Но это и понятно: ну какой владелец станции не воспользуется, скажем, удачным месторасположением для того, чтобы продавать топливо на лут-другой дороже, а принимать добытые шахтерами и мусорщиками ресурсы, компоненты и механизмы – дешевле, чем расположенные менее удачно конкуренты? Но именно на лут-другой, потому что народ на Окраине ушлый и луты считать умеет. Так что если задрать цены настолько, что, скажем, заправка у соседа, даже с учетом затрат на прыжок и дополнительный износ движков и обшивки, все равно обойдется дешевле, чем на такой вот удачно расположенной станции, владельцы оной мгновенно обнаружат, что после повышения цен их доходы не возросли, а резко упали. Пустотники же никогда не прыгают к станциям только для заправки. Заправка – всего лишь одно из целого сонма

вполне себе рутинных действий: продать добытое, закупить необходимое, посидеть в баре, поваляться с девочкой (ну или мальчиком, среди пустотников встречались и дамы, да и любители этого… кхм… однополого… ну… тоже, в общем, встречались) и так далее… А вот на решение о том, где все это сделать, стоимость топлива или текущие закупочные цены на добычу влияли самым непосредственным образом. Так что слишком задравшая цены на топливо или несправедливо (по мнению пустотников и шахтеров) опустившая закупочные цены на ресурсы и иную добычу станция мгновенно лишалась очень существенной части клиентов, немедленно перетекавших к конкурентам. Что для и так балансирующих на грани рентабельности станций Окраины почти сразу же означало немедленное разорение. Впрочем, дело не всегда заключалось только в несправедливых ценах. Точно так же пустотники реагировали и на излишнюю придирчивость станционной полиции либо, наоборот, на ее недостаточную эффективность (ну кому понравится, если тебя ограбят или оберут, едва только ты успел продать добытое?), на излишнюю «ушлость» или на столь же излишнюю «законопослушность», и так далее. А с другой стороны, возможный произвол пустотников сдерживало то, что именно торговые станции и обеспечивали им возможность работать и зарабатывать здесь, на Окраине, поскольку большинство их лоханок были настолько изношены, что вряд ли выдержали бы без ремонта даже десяток прыжков подряд до первых систем, уже считающихся цивилизованным космосом (чаще всего они требовали ремонта практически после каждого рейса). Кроме того, повышенные расходы не только на топливо, но и на парковку, сервисы и куда более дорогостоящее восстановление после подобного маршрута съели бы если не всю полученную от подобного рейса дополнительную прибыль, то большую ее часть.

Впрочем, желающие точно нашлись бы, потому что были среди пустотников и те, кто владел кораблями, вполне способными добраться до окраин цивилизованного космоса и не разориться на последующем ремонте. Да и тем, кто летал на убитых лоханках, иногда приваливал такой куш, что разумнее было бы добраться до цивилизованного космоса и продать добычу там, ибо она окупала все. Но было и то, что делало эту попытку если не безумием, то как минимум дорогой в один конец: после подобного путешествия тому, кто рискнул отправиться с добычей в цивилизованный космос, на Окраине делать было бы больше нечего. После подобной попытки рискнувший сделать это пустотник напрочь бы испортил отношения с владельцами станций Окраины, причем со всеми сразу. А это означало, что работать на Окраине ему бы просто не дали… То есть никакого официального запрета вроде как не было бы. Ну что вы, как можно, мы хоть и Окраина, но у нас все по закону – свободная конкуренция,

честные рыночные отношения и все такое прочее. Так что извините, уважаемый, то, что цены на парковку, комплектующие, топливо и расходники именно для вас внезапно оказались в несколько раз больше, чем для остальных, – просто случайность. Ну кто ж знал, что вам нужно топливо? Все свободное топливо вот только что, буквально минуту назад, было зарезервировано старым клиентом. Вы тоже старый клиент? Да-да, конечно, ну почему бы мне не пойти навстречу старому клиенту? Ох, на что только не пойдешь ради такого клиента… м-м-м… что ж, снятие резервирования будет стоить вам… ну что вы – это и так самая низкая цена, только как старому клиенту… Что, и это дорого? Ну тогда я сожалею, но более ничем помочь не могу. Что? Уже на третьей станции так? Да-а-а, похоже, у вас началась черная полоса. Сами же знаете, как оно бывает в жизни – то белая полоса, то черная. Соболезную, но ничем помочь не могу. Бизнес есть бизнес…

И подобные, с позволения сказать, «беседы» ожидали любого, рискнувшего нарушить неписаный кодекс Окраины, практически в любом месте, куда он попытался бы обратиться – в доке, в лавке, в торговом складе, а некоторых особенно упрямых – даже в борделях. Причем на любой станции. Так-то, парень! Либо ты живешь на Окраине и подчиняешься ее законам и понятиям, либо… либо ты на Окраине не живешь. Так или иначе.

* * *

– И это картографический крейсер? – удивленно пробормотал стажер. Старший диспетчер усмехнулся. Среди ветеранов станции эта туша уже достаточно примелькалась, все-таки «Искатель Терры» базировался на «Триммин-Коррейн» уже не первый год, но для стажера она была в новинку. Ну еще бы, «Искатель Терры» появлялся на станции, дай бог, раз в год, правда, если уж появлялся, то надолго. Ну по сравнению с другими пустотниками – на месяц, а то и на полтора. Но стажер-то прибыл на станцию только неделю назад, он и на самой станции-то почти ничего еще не знал, что уж говорить о такой нечасто появляющейся достопримечательности.

Служба управления движением станции обычно формировалась из числа престарелых шахтеров, мусорщиков или пилотов-наемников, по тем или иным причинам уже не способных продолжать карьеру пилотов, которым Служба за свой счет закупала пару-тройку необходимых баз. А куда было деваться? Диспетчеров-профессионалов на Окраине днем с огнем было не найти – ну на

кой черт профессионалу переться на Окраину? Нет, деньги здесь крутились солидные, месячный заработок в несколько десятков тысяч лутов не был здесь чем-то из ряда вон выходящим. Но и цены тоже были соответствующие заработку – аренда приличного жилья здесь стоила в несколько раз (если не на порядок) дороже, чем в цивилизованном космосе. Причем то, что считалось здесь «приличным», в цивилизованном космосе тянуло в лучшем случае на «эконом». Именно в лучшем случае… Жилье, считавшееся здесь «эконом», в цивилизованном космосе соответствовало скорее ночлежке или даже тюремной камере (как еще можно назвать комнатушку в восемь квадратных метров с унитазом под откидным столиком). Точно так же обстояло дело с продуктами, одеждой и со всем спектром услуг от медицинских до… хм, специфических – все было дорогим и не слишком качественным. Так что если ты хотел жить более или менее нормально, а не медленно загибаться от дрянной дешевой еды и весьма посредственного медицинского обслуживания, то этого, пусть номинально и очень солидного, заработка тебе еще и не хватало. А если пытался откладывать… Все отложенное, как правило, потом приходилось тратить на то, чтобы восстановить загубленное здоровье. Так что выходило баш на баш. И поэтому второй вариант – сначала мучиться, потом лечиться – на Окраине особенной популярностью не пользовался. Впрочем, возможно дело было еще и в том, что жизнь здесь была опасная и никто не мог гарантировать, что успешно накопивший успеет потрать свои накопления хотя бы и на собственное лечение. Ибо сдохнуть во Фронтире было куда легче, чем остаться в живых. Вот поэтому почти все технические и сервисные службы практически всех станций испытывали жуткий дефицит квалифицированных кадров. Ну неоткуда им было здесь взяться!

Поэтому директор офиса едва не упал со стула, когда в узкий закуток, гордо именуемый офисом службы персонала станции «Триммин-Коррейн», заявился молодой сопляк, судя по регистрационным данным только что сошедший с борта транспортника. Сопляк гордо заявил, что готов поработать диспетчером, поскольку у него установлена наносеть «Диспетчер-7МКУ» и имеются три диспетчерские базы – «Управление орбитальным движением», «Управление пустотным движением в ближней зоне пустотного объекта» и «Управление пустотным движением в системах III и IV классов». С трудом сохранив равновесие, директор срочно вызвал по Сети начальника Службы управления движением станции. Тот примчался мигом и, быстро проверив сертификаты, мгновенно вызвал старшего диспетчера и повесил ему на шею вот это чудо.

Впрочем, то, что это чудо – именно чудо, стало ясно не сразу. Первые три дня с парня буквально пылинки сдували в предвкушении, ибо его появление решало

уже давно нависшую над станцией серьезную проблему. Дело в том, что в искинах диспетчерской службы, которые достались владельцам «Триммин-Коррейн» вместе с самой станцией, были прописаны существенные ограничения на работу диспетчеров с непрофильными сетями и с недостаточным рангом разученных баз, а именно такие как раз и составляли большинство персонала местной Службы управления движением. На станции вообще имелся лишь один индивидуум с профильной сетью, причем не кто-то из сотрудников или хотя бы руководителей диспетчерской службы, а один из владельцев – Карнай Триммин, который оттарабанил сорок пять лет диспетчером в цивилизованном космосе, а затем вложил все свои накопления и все доступные ему кредиты в эту станцию. Кроме того, у него же имелись официально сертифицированные диспетчерские базы наивысшего на станции ранга. Например, «Управление орбитальным движением» у него было разучено аж до пятого уровня. А остальные – не ниже четырех. Еще у двоих представителей диспетчерской службы, в том числе у самого старшего диспетчера, имелись разученные диспетчерские базы не ниже третьего уровня, остальные застряли на двоечке. Так что возможности диспетчерской службы станции «Триммин-Коррейн» по управлению пустотным движением большую часть времени ограничивались возможностями систем V и VI ранга. То есть практически все дежурные диспетчеры имели допуск на сопровождение максимум трех десятков малых и не более чем десятка средних кораблей в сутки. Если же движение становилось более интенсивным, то дежурному диспетчеру приходилось вызывать себе на помощь кого-то из тех двоих, кто имел разученные базы третьего ранга. Ну а когда в контролируемом станцией объеме выходили из прыжка здоровенные транспорты рейдового класса, прибывшие из цивилизованного космоса, с помощью которых станция торговала добытым и получала из центральных миров жизненно необходимое, к диспетчерскому искину частенько подключался сам Карнай Триммин. Он был единственным, кто имел программное разрешение на швартовку подобных дур, всех остальных искин диспетчерской службы к сему священнодействию не подпускал. Так что, не дай, конечно, Боги Бездны, с господином Триммином чего случится – на станции «Триммин-Коррейн» можно будет сразу поставить крест как минимум в качестве полноценно функционирующего пустотного объекта. В этом случае разгружать и соответственно загружать большие транспортники придется с помощью челноков, а это изрядно дороже и медленнее, так что ни о какой прибыли владельцам станции и думать будет невозможно. И на фига она тогда им нужна? А появление этого невесть откуда свалившегося им на голову стажера давало шанс на то, что на станции вскоре будет еще один диспетчер, имеющий допуск на диспетчерскую проводку и швартовку межсистемников крупного и особо крупного класса. Не мудрено, что в парня буквально вцепились. И не важно, что пока у него базы разучены только в третий ранг,

главное – в наличии специализированная наносеть, а с ней поднять профильные базы куда как легче. Причем чем выше их ранг – тем больше выигрыш. Если разница в скорости разучивания первого уровня баз с помощью неспециализированной и специализированной наносети составляла не более трех процентов, то уже на четвертом ранге выигрыш специализированной наносети составлял более двадцати процентов. Кроме того, разнилась и степень усвоения… Так что никто не сомневался в том, что поднять базы до четвертого ранга стажер сможет довольно быстро – уж на медикаментозный-то разгон владельцы станции точно раскошелятся.

Но спустя всего лишь три дня до тех, кто контактировал с этим новым и вроде как весьма ценным приобретением диспетчерской службы, стало постепенно доходить, что с этим самым приобретением не все так просто – его явно принесло на Окраину не по собственной неуемности либо стремлению повидать отдаленный космос или просто тяге к путешествиям. Впрочем, во Фронтире таковых, считай, и не было. Нет, время от времени такие «приключенцы» здесь появлялись, но, как правило, надолго во Фронтире они не задерживались по тем или иным причинам. Большинство из-за того, что у них быстро заканчивались деньги.

Окраина – место жесткое, и здесь требуется свой специфический опыт, который приобретается по€том, кровью и длительным опытом. И только заработав, оный можно надеяться не только преуспеть на Окраине, но и хотя бы просто выжить. А «приключенцам», как правило, надо было все и сразу… Нет бы поработать сначала на станции, пообщаться с ветеранами, собрать информацию, сунуть нос в ремонтные доки, ведь понятно же: изучишь наиболее типичные повреждения – будешь знать, чего следует наиболее опасаться. Так ведь нет – у нас крутые корабли, у нас разученные базы, и ва-аще мы самые-самые супер-пупер, и плевать нам на всяких там неудачников. Вот большинство и нарывалось по полной уже в первом-втором вылете, несмотря на всю свою крутизну и техническую продвинутость. А доки на станциях Окраины на особо крутые корабли не рассчитаны, поскольку имеют дело в основном с теми, что притаскивают местные мусорщики. Технические базы местных ремонтников давали возможность ремонтировать корабли на одно-два поколения свежее, чем местные, но вот где на них запчастей и модулей взять-то? Так что после первого же боестолкновения крутые корабли сразу резко теряли в возможностях, а их владельцы – в финансах, поскольку местные ремонтники не упускали возможности задрать цену за ремонт подобного «нестандарта» (ну, для местных условий). Что совершенно определенным образом сказывалось на результатах последующих заварушек, в которые подобные «приключенцы» вляпывались с

завидной регулярностью. А вот с заработком у них, наоборот, все было очень плохо, вследствие чего еще через пару рейдов у наиболее удачливой части «приключенцев» просто заканчивались деньги. Наиболее неудачливые же просто не возвращались… Ну а тем из них, кто прилетал в одиночку или небольшими группами на очередном попутном торговце или коммерческом танкере и был вроде как готов пройти обычным путем, начав с подработки на станции, как правило, быстро надоедало жрать задорого дерьмо и ютиться за бешеные деньги в ночлежках. Так что на Окраине надолго обычно подвисали только те, кому отсюда по тем или иным причинам хода не было. И этот стажер, похоже, был именно из таких.

Первые признаки того, что со стажером они еще намучаются, появились утром четвертого дня пребывания оного на станции. Тем утром старшего диспетчера разбудил звонок по Сети. Услышав сигнал личной сети о запросе на соединение, старший диспетчер заполошно вскинулся, ибо по собственному опыту знал, что подобный внеурочный вызов в семи случаях из десяти означал, что в контролируемом диспетчерской службой станции пространстве случилась какая-то задница. А задница во Фронтире – это совсем не то что задница в цивилизованном космосе – здешние, по общему мнению, куда как крупнее и сочнее. Ну как бог Черешну по отношению к богу Вишну… Поэтому когда сеть идентифицировала вызывающего как дежурного Службы по поддержанию общественного порядка, диспетчер даже облегченно выдохнул.

– Гра Тремгракхус?

– Да, это я. Слушаю.

– У нас тут один нарушитель… – несколько смущенно начал дежурный. – Говорит, что ваш, но идентификатор пока свободный.

– Как его зовут?

– Э-э-э… – похоже дежурный сверялся с протоколом, – Ташил, Греором Ташил.

Старший диспетчер вздохнул.

– Есть такой. Он пока стажер, так что еще не внесен в списки службы. Что он натворил?

– Поцапался с «пустотниками».

– И с кем?

– С командой Пала Молчуна.

Старший диспетчер удивленно присвистнул.

– Он там, э-э, целый и… вообще живой?

– Да уже нормально все. Медкапсула в участке незанятой оказалась. Но мне надо определиться, на кого вешать долг за ее использование – у этого парня на личном счету полный голяк.

Старший диспетчер досадливо поморщился. Это «удачное приобретение» диспетчерской службы еще не заработало службе ни единого лута, а уже напрягло ее крайне скудный бюджет.

– Что, совсем голяк?

– Даже «социальной помощи» нет, – ухмыльнулся дежурный. – Два штрафа в «лист ожидания» вешаем.

Диспетчер покачал головой. Да уж, поиздержался парень… и вляпался. «Социальной помощью» называлась сумма в пять лутов, которая была установлена как минимальный порог счета. Среди обитателей станции ходили слухи, что размер в пять лутов был установлен потому, что столько на «Триммин-Коррейн» стоила одна порция самой дешевой уличной еды типа соевой сосиски в тесте или кулька с тушеными водорослями, но старший диспетчер сильно сомневался, что дело в этом. Более достоверной версией ему казалась привязка этой суммы к суточной стоимости поддержания сетевого аккаунта на станции. Дорого? А что вы хотели, господа, здесь Окраина…

– Ладно, его уже можно забирать?

– Ну, если твоя служба берет на себя оплату медкапсулы, то да.

– Берет, – тихо вздохнул старший диспетчер, у которого мелькнула мысль, что с этим стажером они еще намаются…

Следующие несколько дней только подтвердили опасение старшего диспетчера. Начать с того, что этот идиот напрочь отказался оформлять кредит и гасить наложенные на него штрафы. Он заявил, что его оштрафовали нечестно, что во всем виноват был «тот урод с бородой» и что он ничего платить не собирается. В принципе да и хрен бы с ним! Ну и что с того, что льготный период на оплату штрафа на станции определен всего в пять дней, после чего Служба по поддержанию общественного порядка начисляет за просрочку по одному проценту выставленной суммы в день? Хочет заплатить в разы больше, чем начислено – его дело. Но подобное отношение к оплате штрафов кроме финансовых потерь ведет еще и к понижению рейтинга социальной адаптации. А поскольку Диспетчерская служба на любой станции относилась к «социально ответственным институтам», от работы которых зависело благополучие всех обитателей станции, в любом диспетчерском искине стоял программный запрет на работу с оператором, имеющим низкий рейтинг. Получается, что все надежды на нового сотрудника с таким его подходом вполне могли окончиться только необоснованными затратами.

Беседа с задиристым стажером вылилась в форменную истерику. Пришлось обращаться к владельцу станции, но и попытка Карная Триммина вправить буяну мозги оказалась лишь частично успешной: кредит стажер взял и штраф погасил, но при этом страшно на всех обиделся. А выяснилось это только тогда, когда старший диспетчер, озабоченный тем, что Ташил опоздал на свою смену уже почти на полчаса, отправил за ним посыльного. Тот обнаружил стажера в его комнате, пьяного в умат. Причем Ташил, обнаружив перед собой некое одушевленное существо, тут же начал жаловаться ему «на этих сук» и «козлов», которые «воруют и обирают честных людей», а его вот заставили влезть в долговую кабалу к «этим козлам в банках». Поскольку ни о какой рабочей смене в подобном состоянии и думать было невозможно, а вешать на Диспетчерскую службу очередной долг за использование медицинских капсул старший диспетчер посчитал неразумным, снижение рейтинга социальной адаптации стажер себе обеспечил-таки – за невыход на службу и игнорирование своих обязанностей в рамках работы в «социально ответственном институте». А ведь будь он частником или просто наемным трудягой в какой-нибудь чисто коммерческой структуре – этого бы не произошло. Но… как говорится, кто на что учился – тот тем и получил…

Следующую пару дней стажер вел себя более или менее тихо, но старший диспетчер постоянно ждал от него очередной подляны. Однако пока все было тихо.

* * *

– Эх ты, как им досталось-то!

Услышав этот возглас, старший диспетчер пару мгновений всматривался в центральный монитор, а затем переключился на личную сеть, которая давала куда большее разрешение, чем экран. Да уж… судя по тому, как выглядел «Искатель Терры», досталось им очень неслабо. Первым в глаза бросался гигантский пролом, разваливший левый борт здоровенного корабля на две неравные части. Края пролома бугрились исковерканным металлом и торчащими внутрь проема «ресничками» шпангоутов. Впрочем, и на остальном корпусе были отлично заметные серьезные разрушения. Корма с левой стороны была изрядно оплавлена, а судя по тому, что огромный корабль двигался довольно медленно и как-то боком, из восьми огромных «маршевиков» крейсера работало, дай бог, три.

Старший диспетчер удивленно присвистнул (ну была у него такая дурацкая привычка), и тут подал голос дежурный диспетчер:

– Интересно, во что же это Ник со Страшилой вляпались-то? Тут парой кораблей явно не обошлось, минимум отряд был, и, похоже, с носителем.

– Думаешь… – недоверчиво спросил старший.

– Вон смотри, на носу вмятины видишь – точно средние ПКР[1 - Противокорабельные ракеты.]. И их слишком много, чтобы это мог быть просто залп с эсминцев. Да и этот пролом явно от подрыва боевой части, не менее чем тяжелой ПКР – значит, можно почти точно утверждать, что его среди всего прочего атаковали и торпедоносцы.

– Как же он тогда от них ушел? – недоуменно покачал головой старший диспетчер.

Дежурный молча пожал плечами, не особенно парясь из-за того, что все трое собеседников сейчас были заняты диспетчерским искином и потому видеть его жеста никто не мог, а затем бросил:

– Это Ник и Страшила. Сам знаешь – они редкие везунчики.

В этот момент перед глазами всех троих мягко мигнула иконка запроса на соединение. Несмотря на то что старший диспетчер находился в диспетчерской только как ответственное лицо, контролирующее стажера, именно он первым кликнул по иконке. Искин послушно перенаправил запрос на его личную сеть, оставив остальным возможность только смотреть и слушать. Так что перед глазами всех троих тут же возникло очень красивое женское личико.

– Привет, Страшила, – доброжелательно начал диспетчер. – Кто это вас так?

– Долго рассказывать, старшой, – устало отозвалась красавица. – Я тут вижу, у вас вторая парковочная зона свободна? Не против, если мы ее займем?

Старший диспетчер быстро вывел в углу визуальной зоны график прибытия и отлета крупнотоннажных судов, после чего согласно кивнул:

– В принципе – нет, никаких «толстяков» не ожидается еще недели три. А если кто и прибудет, отправим их в шестую. А чего не хотите стать на свое место?

– У меня маневровых осталось только семь процентов. Если начнем парковаться, где обычно, – всю орбиту станции придется по новой пересчитывать, и… хорошо, что ты сейчас на смене.

– А что такое?

– Да тут сейчас такое столпотворение начнется. Нам надо раненых выгружать.

– У вас же реанимакамеры стоят… – удивился старший диспетчер, тут же начав процедуру переключения диспетчерского искина на свой личный код, подтверждая тем самым свое право управления пустотным движением в зоне ответственности «Триммин-Коррейн». – Да и вообще медсекция сильная. У нас тут к вам целая очередь выстроилась.

Медсекция крейсера действительно была оснащена великолепным оборудованием, превосходящим все, что находилось на борту станции «Триммин-Коррейн» на одно-два, а по отдельным направлениям и на три поколения. Вследствие чего во время стоянки крейсера обитатели станции в области медицинских услуг частенько отдавали предпочтение медсекции «Искателя Терры». Первое время это даже вызывало скандалы, но потом все как-то устаканилось.

– Ничего у нас уже не стоит, – вздохнула Страшила, – а из медиков осталось только трое, да и те все в полевых реаниматорах. И кроме них там еще человек сорок, так что к нам вот-вот должны начать толпой слетаться медшаттлы.

– Понял, – машинально кивнул диспетчер, – а сам Ник как?

Страшила сморщилась.

– Плохо. Попал под разряд абордажного дрона.

– Соболезную, – отозвался старший диспетчер и отключился. Ему уже один за другим пошли запросы на связь, похоже, как раз от медшаттлов. И раз уж дело обстоит именно так, как рассказала Страшила, то подключился он очень вовремя – уровень баз дежурного диспетчера не позволил бы взять под управление большое количество пустотных объектов, которое должно было вот-вот заполнить пространство около станции. Именно поэтому диспетчер не услышал, как стажер восхищенно произнес:

– Ух, ты… какая краля!

Часть первая

Глава 1

Их атаковали в системе C3RO2755641L, когда они вернулись туда забирать картографический комплекс, оставленный шесть месяцев назад. Отряд (хотя, скорее, эскадра) явно ждал именно их. Причем командиры прекрасно знали не только стандартную тактику действий экипажа крейсера, но и все уже наработанные им привычки. И отлично подготовились. Но… они не учли того, что составлявшие экипаж крейсера люди были не просто экипажем, пусть даже и бывшим военным – к настоящему моменту они уже стали друг для друга чем-то вроде семьи. А в семье совершенно другие взаимоотношения между людьми, чем в самом вышколенном и подготовленном экипаже. Например, в отличие от флотского экипажа, в семье практически не стоит вопрос карьеры, а вот вопрос общей безопасности и… скажем так, процветания, наоборот, является приоритетным.

Когда после выхода из прыжка в ответ на запрос о текущем состоянии системы показания четырех из десяти групп базовых носителей выдали статусы, заметно отличающиеся от тех, которые транслировали остальные шесть, старший картограф крейсера офицер Ваэрли некоторое время с сомнением рассматривал полученные данные, а затем вздохнул и вызвал по сети капитана.

– Да, Ваэрли.

– Капитан, тут… короче, у четырех групп базовых носителей сильное различие в текущих статусах относительно остальных.

Ник помолчал, а затем коротко бросил:

– Сейчас буду…

– И надо тебе было беспокоить капитана?

Ваэрли сбросил соединение и только потом повернулся к произнесшему эти слова.

– Понимаете, старший офицер Грокк, я считаю так: если капитан пару месяцев назад говорил, что, по его мнению, у нас как-то слишком долго тянется белая полоса и потому всем следует не только утроить бдительность, но еще и внимательно прислушиваться к тому, что говорит тебе твоя жопа, он не просто фигурально выразился, а действительно имел в виду все, что сказал.

Грокк, хмыкнул, покачал головой и язвительно произнес:

– Извините, уважаемый старший картограф, но, согласно судовому уставу, обо всех своих сомнениях, а также обо всей информации, которую вы получаете из столь достоверных источников, как вышеупомянутые, вы обязаны были в первую очередь проинформировать меня. Поскольку именно я в настоящий момент старший вахты и к тому же исполняю по корабельному расписанию обязанности капитана во время его отсутствия. И только я должен был принять решение о том, побеспокоить ли капитана немедленно или ситуация пока не настолько критична, чтобы разбудить человека, который ушел спать только два часа назад, проведя до этого на мостике почти двое суток. Но поскольку вы этого не сделали, я вынужден, пользуясь положениями упомянутого мной устава, ходатайствовать перед капитаном о наложении на вас дисциплинарного взыскания, – старший офицер на мгновение задумался, затем небрежно произнес: – Я думаю, десятипроцентного штрафа оплаты за рейд будет достаточно для того, чтобы вы осознали свою неправоту?

Ваэрли вздохнул.

– Грокк, да знаю я, что поступил не по уставу и сначала обязан был доложить тебе, но… согласись, ты что-то последнее время стал какой-то слишком… ну-у-у… самоуверенный, что ли. Вот сам посчитай, сколько раз за последние полгода ты говорил нечто вроде: «Так, с этим мы справимся сами, не надо беспокоить капитана – дадим пареньку отдохнуть».

– И что, не справлялись?

– Да нет, справлялись, но…

– Тогда, заткнись и делай свое дело.

– Я и делаю! – огрызнулся старший картограф. – Но я тебе так скажу…

Однако что там хотел сказать Ваэрли, никто на мостике так узнать и не успел – именно в этот момент на рубке появился их капитан – Ник-сигариец, легенда Лузитании, член «золотой десятки»… молодой парень вполне обычного облика, возрастом на вид где-то от двадцати до тридцати лет. На его левой щеке

оставила отпечаток сбившаяся наволочка, а волосы напоминали воронье гнездо. Короче, если бы кто-то решил нарисовать человека, которого ну совершенно точно невозможно представить капитаном не то что крейсера, но и вообще какого-нибудь более или менее крупного или хотя бы среднего корабля, то при взгляде на Ника ему совершенно не надо было бы хоть сколько-то напрягать воображение. Наиболее достоверный образ подобного человека в тот момент находился бы прямо перед ним – бери и рисуй. С натуры.

– Капитан на мостике! – взревел Грокк, но дежурная ходовая смена, как и положено, никак не отреагировала на этот рев. Все продолжали спокойно исполнять свои обязанности. Ник молча кивнул и довольно шустро взбежал на командный уровень.

– Ну что тут у нас? – немного хриплым со сна голосом уточнил он. В ответ Ваэрли молча скинул ему всю информацию, полученную приемным комплексом крейсера. Капитан некоторое время изучал полученную информацию, а затем негромко приказал:

– Боевая тревога.

На лице старшего офицера Грокка, который все это время молча стоял рядом, всем своим видом демонстрируя, насколько он не согласен с решением старшего картографа поднять бучу на пустом месте, появилось удивление. Склонившись над уже начавшим устраиваться в противоперегрузочном командном ложементе капитаном, он негромко заговорил:

– Гра капитан, при всем моем почтении я считаю, что… – И в этот момент его голос заглушили баззеры боевой тревоги, наполнившие огромный корабль отчаянным ревом и звоном. На самом деле в них особой необходимости не было, поскольку сигнал «боевая тревога» приходил каждому члену экипажа на его собственную сеть, но во многих военных флотах различных государств баззеры по-прежнему устанавливались в каждом помещении. Официально они считались дублирующей системой управления на случай серьезных повреждений корабля, при которых теоретически могла бы сильно пострадать, а то и вовсе оказаться уничтоженной внутрикорабельная коммуникационная сеть. Обычно именно она осуществляла связь личных сетей между собой и через корабельный узел связи с другими внешними объектами и галанетом. В случае отказа сети управление если не кораблем, то хотя бы действиями аварийных и противоабордажных партий можно будет осуществлять путем подачи звуковых кодовых сигналов.

Однако, насколько Ник знал, до сих не существовало ни единого достоверно установленного случая применения сети баззеров боевой тревоги для чего-то подобного, так как внутрикорабельные коммуникационные сети являлись последним, что выходило из строя при практически любых повреждениях, получаемых кораблем. То есть к тому моменту, когда возникала проблема с коммуникационной сетью, от самого корабля уже мало что оставалось в принципе. В общем, баззеры были просто данью флотским традициям.

Крейсер наполнился грохотом от каблуков экипажа, разбегавшегося по боевым постам. Если бы в этот момент на «Искателе Терры» оказался кто из посторонних, у него бы случился настоящий, так сказать, разрыв шаблона. Ибо, с одной стороны, у него бы создалось полное впечатление, что он находится на борту полноценного боевого корабля, а с другой… с другой, самым мощным вооружением этого корабля являлись турели непосредственной обороны. Более ничего – ни торпед, ни противокорабельных ракет, ни тяжелых орудий на картографическом крейсере «Искатель Терры» в наличии не имелось. И куда тогда, спрашивается, несутся эти люди? На какие такие боевые посты? Но это недоумение продолжалось бы только первые пять минут…

– Внимание, крейсер, говорит капитан… – если переключить корабельную сеть в циркулярный режим, информация до каждого члена экипажа доходит прямо через преддверно-улитковый[2 - Нерв специальной чувствительности, отвечающий за передачу слуховых импульсов и импульсов, исходящих из вестибулярного отдела внутреннего уха.] нерв, так что, несмотря на то что Ник говорил очень негромко, все слышали его прекрасно. – В этой системе творятся какие-то непонятки, поэтому мы попытаемся отсюда свалить, и как можно быстрее. Через час всем приготовиться к «нагруженному повороту». Закрепить все незакрепленное. Заглушить бытовые и вспомогательные системы. Расконсервировать технику и… приготовиться к контрабордажным действиям. Приступать!

Закончив отдавать распоряжения, капитан вылез из своего ложемента. Грокк, все это время молча возвышавшийся на командном мостике этакой укоряющей фигурой, неодобрительно покачал головой, но более никак проявлять свое недовольство не стал. Впрочем, куда уж более… капитан объявил боевую тревогу, весь экипаж нырнул в противоперегрузочные ложементы, а старший помощник демонстративно остался на мостике на своих ногах. Однако Ник, как обычно, ничем не выказав своего отношения к такому поведению офицера, спустился с командного мостика и подошел к старшему картографу.

– Мы сможем снять данные с накопителей базовых носителей?

– Отсюда?

– Да.

– Нет, – мотнул головой Ваэрли.

– Никак?

– Ну-у-у, – задумчиво протянул картограф, а затем вновь мотнул головой. – Нет. Можно попытаться отстрелить ретрансляторы в направлении звезды, но с такой скоростью в зону устойчивого приема они войдут только через сутки. Сами же знаете, гра капитан, движки у них маломощные, так что…

– Н-да, это не подойдет, я рассчитываю убраться отсюда максимум часа через три – Ник зло скрипнул зубами. – Ой как не хочется терять данные! Нам еще картографический комплекс восстанавливать… ну, который мы здесь бросим.

Старший картограф покосился на Грокка. Тот стоял с крайне независимым видом, словно проецируя окружающим мысль типа: «Если вы уж решили быть идиотами, так я вам в этом совершенно не помощник». Ваэрли тихонько вздохнул. Они все любили своего капитана, и Грокк тоже. Но бывший штурм-сержант отчего-то был абсолютно уверен в том, что Ник еще слишком молод для того, чтобы всегда поступать разумно. Поэтому он самостоятельно принял на себя обязанность не только подстраховывать своего капитана, но и… как бы это помягче выразиться, направлять его и ограждать от тех поступков, которые самому Грокку кажутся неразумными. Нет, ни о каком неповиновении речи не шло: Ник был офицером клана Корт, причем единственным из всего клана, имеющим право не только ступать на поверхность Лузитании, но и присутствовать на Конклаве Домов. Так что для всех бывших членов этого клана, из которых на девяносто пять процентов и был сформирован экипаж, он совершенно точно являлся не только капитаном, но и вообще лидером. Это не обсуждалось. При этом все знали, что Нику, несмотря на никем не оспариваемый статус, на самом деле очень далеко до уровня не только полноценного офицера клана, но и приличного капитана. Только вот знали-то все, но лишь Грокк посчитал возможным для себя тем или иным способом прямо и немедленно указывать капитану на то, что он считал его ошибками. И Ваэрли это очень не

нравилось, ибо не имело никакого смысла: Ник и сам прекрасно знал, что на полноценного капитана он пока не тянет (об уровне офицера клана Корт и речи не было). В отличие от типичной реакции юных максималистов, которые, как правило, прячут свою некомпетентность за категоричностью и бескомпромиссностью, больше стараясь не сделать дело, не выполнить поставленную задачу наиболее эффективно, а «правильно себя поставить», относился к получаемым советам, высказываемым предложениям и предоставляемой помощи спокойно и даже с благодарностью. Так что никакой «немедленности» ни от кого не требовалось. Поэтому-то Ваэрли и считал, что Грокк, так сказать, перегибает полку. И кстати, так считал не он один – Страшила, вон, пару раз даже порывалась набить старшему офицеру «Искателя Терры» морду. Причем то, что это было всего пару раз, характеризовало отнюдь не сдержанность Грокка, а проявленное Трис столь не свойственное ей терпение…

– Есть одна мысль, – осторожно начал Ваэрли, и капитан тут же заинтересованно уставился на него. – Но в этом случае мы потеряем еще один базовый носитель. Причем окончательно.

– Продолжай, – заинтересованно бросил Ник.

– Мы можем поставить ретранслятор на один из базовых носителей и направить его в центр системы, поставив двигатели на дожиг. Ретрансляторы рассчитаны на ускорение в 30 G, а носитель с двигателями на дожиге разовьет не больше двадцати пяти – двадцати семи.

– Думаешь, носитель успеет войти в зону уверенного приема до того, как рванут его движки? – с сомнением поинтересовался капитан. О том, что подобный гибрид успеет войти в зону уверенного приема до их отлета, он, похоже, не сомневался.

– Думаю – успеет. Даже с запасом.

– Добро, – решительно кивнул капитан. – Свяжись с мастерскими. Пусть быстро делают… и знаешь что, пусть делают сразу три экземпляра. А ты посчитай несколько курсов обхода, на которых мы успеем снять данные, на случай, если… если… – Тут он запнулся, сделал витиеватый жест рукой и закончил: – Короче – считай, – после чего повернулся к Грокку: – Старший офицер, можно вас на

минутку…

О чем там капитан говорил со старшим офицером, Ваэрли, естественно, не слышал, но, судя по тому, как морда Грокка сначала окаменела, а его руки, нервно дернувшись, вытянулись по швам, старшему офицеру картографического крейсера «Искатель Терры» на этот раз явно пришлось несладко. И это было хорошо, потому что до сего момента Ник все время спускал своему старшему офицеру его явно излишнюю опеку. Но, как видно, наконец-то и ему это надоело. Впрочем, это было совсем не дело старшего картографа – в конце концов, капитан поставил Ваэрли вполне однозначную задачу, каковой ему незамедлительно и следует заняться.

Собрать три экземпляра базового носителя с ретрансляторами и перепрограммированными движками за час они так и не успели, причем по собственной глупости. То есть Ваэрли сначала заикнулся было о том, чтобы удвоить состав бригады, занимающейся переделкой первого базового блока, но старший ремонтной секции напрочь отверг подобную мысль, заявив, что лишние люди будут только мешать. А потом, когда стало ясно, что они не укладываются в срок (в первую очередь потому, что по окончании сборки им еще нужно было успеть деактивировать ремкомплекс и раскрепить его), едва не кусал себе локти.

– Вот баран! Если бы задействовал увеличенную бригаду на первом носителе, второй и третий могли бы собирать параллельно, а так…

– Что, совсем никак? – осторожно уточнил старший картограф у расстроенного ремонтника. – Не слишком сложная же переделка-то.

– Совсем, – удрученно махнул рукой тот. – Пока развернем второй ремкомплекс, пока скинем его искину план-карту реконструкции носителя, пока он раздаст по модулям управления дроидов сконфигурированные технологические карты, пока те поменяют инструментальные головки на манипуляторах – как раз наступит время все сворачивать и крепить. Если б хотя бы минут пятнадцать у нас было… От ведь идиот – ну что бы мне, старому дураку, сразу о времени подумать!

Так что старшему картографу пришлось стукнуться «в личку» капитану (все старшие офицеры крейсера имели к ней прямой доступ) и сообщить ему

неприятную новость.

Реакция капитана Ваэрли просто восхитила.

– Поня-ятно… – задумчиво протянул он, выслушав доклад, потом мгновение помолчал, а затем спросил: – А в чем основная задержка – в установке ретранслятора или в выведении движков на режим дожига?

– В ретрансляторе, скорее всего, движки же только перепрограммируются, и у них снимаются ограничители, – несколько растерянно отозвался Ваэрли, но тут же поправился, – сейчас уточню… точно, в ретрансляторе.

– А скольким носителям сможете перевести движки в режим дожига за оставшееся время?

– М-м-м… старший ремонтник говорит, что еще пяти максимум. Вот если бы еще минут пятнадцать…

– Нет, затягивать с началом поворота не будем, – отрезал капитан. – Так что делайте еще пять без ретранслятора. А ты так посчитай конфигурацию получающегося ордера базовых носителей, чтобы в случае атаки пара носителей с ретрансляторами оказалась бы на наиболее выгодной для приема данных траектории, а пятерка пустых могла бы прикрыть их хотя бы от одного залпа РДД[3 - Ракета дальнего действия.].

– Понял! – Ваэрли торопливо отключился и развернулся к технику, тут же передав ему приказ капитана. После чего отошел к стене, довольно потерев руки. Умеет же капитан найти нестандартный ход! Пара ретрансляторов, прикрытая пятеркой «пустышек», способных «сагрить» на себя ГСН[4 - Головка самонаведения.] РДД, вполне могла проработать даже дольше первоначального варианта из трех ретрансляторов. А это значит, что шансы на то, что им удастся скачать всю информацию с оставляемого в этой системе картографического комплекса будут даже выше, чем при том варианте, который они планировали ранее и провалили из-за собственной глупости. А шансы на то, что ГСН РДД (буде, конечно, они тут окажутся) удастся сбить с толку, имелись весьма большие. Ретрансляторы-то они носителям ставили вместо кассет для одноразовых картографических зондов, так что все семь носителей будут абсолютно неотличимы друг от друга и внешне, и по спектру факела, и по

ускоре… хм, а вот это, пожалуй, не факт.

Ваэрли качнулся вперед и осторожно тронул за плечо старшего ремонтной секции.

– Слушай, а чем ненужным мы можем быстро подгрузить эти дуры, – он мотнул головой в сторону носителей, – чтобы их масса была бы одинаковой?

– А зачем?

– Ну если кто будет отслеживать – могут засечь разницу в ускорении и…

– И что? – хмыкнул техник. Ваэрли озадаченно пожал плечами.

– Грузи – не грузи, а разница в ускорении все равно будет. Движки-то на дожиге будут, а это тебе не программируемый полет. Как какой из движков на дожиге будет работать – сами Боги Бездны предсказать не могут.

– Ну… тогда да, не надо.

– Ты, Ваэрли, иди-ка на мостик, – махнул ему рукой техник. – Мы тут сами все доделаем и отправим на стартовые столы. – А у тебя, я так думаю, есть чем заняться.

К моменту, когда по кораблю снова разнесся рев баззеров боевой тревоги, старший картограф уже давно торчал в своем противоперегрузочном ложементе, занимаясь тем, что перебирал и просчитывал наиболее выгодные траектории движения получившегося у них небольшого ордера базовых носителей. Когда заревели баззеры, он покосился в сторону мостика. На этот раз Грокк так же торчал в своем ложементе, и морда у него была чрезвычайно озабоченная. Ну еще бы – «нагруженный поворот» означал, что крейсер будет исполнять маневр, который на данной скорости вызовет серьезный перегруз гравикомпенсаторов корабля. Так что на экипаж и все остальное содержимое трюмов и отсеков крейсера будет действовать перегрузка. Поэтому занятие противоперегрузочного ложемента во время этого маневра являлось прямым требованием не только инструкции по безопасности полетов, прописанной в

корневых файлах любого навигационного искина и их собственного внутрикорабельного устава, но и просто здравого смысла. А с этим у Грокка по большей части все было в порядке. Впрочем, о выражении морды лица в момент прохождения «нагруженного поворота» ни в одном документе ничего сказано не было, а судя по нему, старший офицер получил нехилую плюху. Ваэрли хмыкнул… а в следующее мгновение крейсер еле заметно дрогнул, это произошел сброс базовых носителей, с которыми они с техником возились в ремонтном отсеке, а затем на него навалилась довольно солидная перегрузка. Крейсер начал «нагруженный поворот».

Первые минут пять с начала поворота система продолжала оставаться в столь же безмолвном и безмятежном состоянии, в каком она пребывала все время с момента их выхода из прыжка. И на протяжении всех этих минут у старшего картографа все явственнее и явственнее начало посасывать под ложечкой – неужели он ошибся и на самом деле в этой системе нет ничего опасного? Нет, насчет того, капитан каким-то образом выразит свое неудовольствие или там вычтет из его жалования компенсацию за потерю двух ретрансляторов и семи базовых носителей, ну и до кучи перерасход топлива на «нагруженный поворот», он не волновался. Да, он высказал предположение, которое… ну… возможно… да что там вилять – похоже, оказалось полностью неверным. Но решение капитан принимал сам. Однако все равно чувствовать себя полным идиотом было неприятно. Очень неприятно. Ваэрли уже почти решился снова стукнуться «в личку» капитану, чтобы смущенно извиниться, как вдруг…

– Вижу цель, цель групповая, скоростная, под маск-полем, двигается с разгоном, курс на перехват, – зачастил оператор лобовой станции сканирования, а затем после короткой паузы разочарованно закончил: – Точная идентификация пока невозможна.

Ну, с их сканерами это было не мудрено – чай, не боевой прицельный комплекс. Ледяную крошку в конусе курсовых углов сечет – и нормально… Но старший картограф на мгновение ощутил вспышку радости. Боги Бездны – он не ошибся! Но почти сразу же вслед за этим его охватил стыд: как можно радоваться тому, что они попали в засаду?!

В этот момент снова коротко рявкнули баззеры, после чего капитан снова вышел в сеть:

– Внимание всем, через тридцать секунд увеличение коэффициента нагрузки до семи с половиной. Экипажу принять противоперегрузочные препараты и переключить ложементы в положение «максимум».

Ваэрли едва не присвистнул от удивления.

Гравитационные компенсаторы крейсера были рассчитаны на компенсацию двадцатикратной перегрузки. В принципе на транспортах обычно ставили шестикратные компенсаторы – считалось, что для грузовозов этого вполне достаточно. Чай, не истребители, чтобы крутые маневры закладывать. На пассажирские уже ставили «десятку», больше в целях безопасности, чем потому что им действительно требовалось компенсировать подобные перегрузки. Ну а все, что с большим коэффициентом, считалось уделом боевых кораблей. Так что двадцатикратные гравикомпенсаторы на их корабле считались бы нонсенсом, если бы этот крейсер не был перестроен из эскадренного транспорта снабжения, предназначенного для действий в составе боевых эскадр, из-за чего на него были установлены штатные гравикомпенсаторы лузитанского флота. Вследствие этого он был приспособлен к «нагруженным маневрам» на уровне боевых кораблей, а вот никаких противоперегрузочных ложементов на нем изначально не стояло, поскольку они предназначались для снижения той перегрузки, которая превысит возможности компенсаторов. Причем не полностью устраняя ее, как это делали гравикомпенсаторы, а всего лишь помогая экипажу легче переносить навалившуюся на него перегрузку. Подобная ситуация считалась возможной только при маневрировании в бою под огнем противника, куда транспорту снабжения соваться было бы совершеннейшим идиотизмом…

Впрочем, в трюмах транспорта они имелись, как и масса других запасных частей и механизмов, предназначенных для ремонта боевых кораблей после тяжелого боя вдали от собственных баз. Так что их наличие было вызвано тем, что Ник в свое время при перестройке транспорта в картографический крейсер приказал установить их на всех постах, а также во всех отсеках, в которых могут находиться члены экипажа по «боевой тревоге». Если честно, в тот момент многие (и сам Ваэрли тоже) посчитали это… м-м-м, мягко говоря, некоторой перестраховкой молодого неопытного капитана. Ибо какое на их здоровенной «дуре», не имеющей ни особенной брони, ни дальнобойного вооружения, ни приличного прицельного комплекса, боевое маневрирование под огнем противника? И до сего момента этот подход казался полностью оправданным. До сего момента… Это чего же такого опасается капитан, из-за чего пошел на риск

столь опасного маневра? И не слишком ли он опасен? Если ложементы способны были позволить экипажу боевого корабля вести боевые действия при перегрузке штатных гравикомпенсаторов, то все остальное, что находится в трюмах и отсеках корабля, никаких компенсаторов не имеет. А что может натворить, скажем, плохо закрепленный обычный гаечный ключ, вылетевший с места крепления с ускорением, в семь с половиной раз превышающим ускорение свободного падения[5 - Ускорение свободного падения – ускорение, придаваемое телу силой тяжести, т. е., так сказать, физическое выражение термина «сила тяжести». Обозначается буквой G. Стандартное значение для Земли в приблизительных расчетах обычно принимают равным 9,8 м/с

.], представить себе можно было только с содроганием. А если это окажется не ключ, а, скажем, бот? Ужас!

Впрочем, бояться времени не было. Старший картограф торопливо зашел в меню своего противоперегрузочного ложемента и «кликнул» по иконке перевода ложемента в положение «максимум». После чего практически мгновенно послышалось еле слышное шипение пневмошприцев, впрыскивающих медикаменты в бедренную и сонную артерии и яремную вену, а одновременно с этим под ним задвигался и сам ложемент, принимая положение, при котором человеческое тело могло немного лучше противостоять увеличивающимся перегрузкам.

В «нагруженный поворот» они вошли на двадцати двух с половиной единицах перегрузки, двадцать из которых, естественно, были скомпенсированы штатными гравикомпенсаторами. Скорее всего, подобная цифра была выбрана капитаном потому, что перегрузка в две с половиной единицы еще не требовала использования противоперегрузочных препаратов, – считалось, что при нескомпенсированной перегрузке в пределах двух с половиной единиц падение эффективности работы экипажа не превышает пятнадцати процентов. При трех единицах – предельный для положения ложемента «минимум» – работоспособность экипажа и эффективность его действий снижается уже на сорок процентов, а при пятикратной, теоретически предельной для положения «максимум» – аж на семьдесят. Но сейчас капитан собирался увеличить перегрузку аж до семи с половиной. То есть ускорить прохождение и так «нагруженного поворота» еще на двадцать пять процентов!

Следующие несколько минут весь экипаж просто молча привыкал к перегрузке. Впрочем, не весь. Ваэрли уже через пару минут после доклада оператора оказался сильно занят, поскольку сброшенная семерка базовых носителей так раскочегарилась, что установленные на паре из них ретрансляторы уже вошли в зону уверенного приема и с них потоком пошла информация. Старший картограф развел узконаправленные антенны ретрансляторов так, чтобы они были направлены на две противостоящих друг другу ветки орбиты, по которой сейчас крутились вокруг звезды выполнившие свою работу носители сброшенного здесь картографического комплекса. Дело в том, что в программы базовых носителей картографических зондов изначально было заложено требование после окончания сканирования произвести полный обмен собранными базами между собой. Это было сделано для предотвращения потери данных в том случае, если к моменту возвращения крейсера в систему для подбора носителей один или несколько из них по какой-либо причине будут утеряны. Космос есть космос, здесь вляпаться в неприятности не просто, а очень просто… А в этом случае, даже если будет потеряна существенная часть носителей (даже если на орбите останется только один из них), собранный комплексом картографический материал не пропадет. Однако после такого обмена сохраненные в памяти носителей базы данных отнюдь не были полностью идентичны – общий массив данных был одинаковым для всех, а вот их конфигурация отличалась. В памяти каждого носителя первой стояла его собственная база данных, а затем он последовательно подгружал базы данных с остальных, размещая их отдельными файлами, поэтому получившиеся базы данных двух носителей, двигающихся по противоположным виткам орбиты, оказались сдвинутыми друг относительно друга на пятьдесят процентов. И это означало, что для получения полной базы данных Ваэрли было достаточно загрузить по половине данных с каждого носителя – далее уже шло дублирование информации. Впрочем, прекращать загрузку после получения половины картографической базы системы с двух противолежащих носителей старший картограф не собирался: пусть качается, сколько получится, а если хватит времени – и с других покачаем. Вот только надежда на это была небольшой – уж больно шустро перли вперед носители. Дай боги, хотя бы эту пару баз полностью загрузить, пока поставленные на дожиг движки окончательно не пойдут в разнос. Вон как раскочегарились… Впрочем, эта суета заняла у Ваэрли не более минуты. После этого он также перешел в оцепенелое состояние, лениво косясь на медленно растущую полоску загрузки данных, которую подвесил себе сбоку виртуального экрана.

Остальным делать было нечего. На крейсере не было почти никакого вооружения, а то, что имелось, при данной скорости сближения не

представлялось возможным задействовать еще как минимум минут сорок. Да даже просто прикинуть хотя бы какую-нибудь тактику предстоящей схватки – и то было невозможно, поскольку слабенький сканерный комплекс на таком расстоянии не мог пробиться сквозь маск-поля приближающегося противника, и потому пока еще не было ясно, с кем именно они столкнулись. Хотя… старший картограф на мгновение задумался, а потом слегка раздвинул лепешки расплющенных перегрузкой губ в легком подобии улыбки – с этим, пожалуй, можно кое-что сделать. Он быстро совершил несколько «кликов» на уже давно развернутом наносетью перед его мысленным взором экране контроля сброшенных ретрансляторов и снова связался с капитаном. Правда, уже не через личку, а по корабельной сети.

– Капитан!

– Есть креативные идеи, Ваэрли? – тут же отозвался Ник.

– Ну… не совсем чтобы… но можно попытаться хотя бы опознать, кто это к нам так активно набивается в гости.

– И?

– У нас же на нижней орбите вокруг звезды системы сейчас вращается пять десятков базовых носителей, на каждом из которых стоит весьма приличный сканирующий комплекс. А целостность маск-поля со стороны двигателей у набивающихся к нам в гости…

– Понятно, – тут же отозвался капитан. – А это не сильно растянет время загрузки картографической базы? В конце концов, это нам не так уж и нужно, все равно наша тактика будет некой вариацией на тему «бежать во все лопатки». Даже если там просто вооруженные гражданские лоханки, я не хочу подвергать крейсер какой-либо опасности, если будет шанс этого избежать.

– Прошу прощения, капитан, – влез в их беседу Грокк, как старший офицер, имеющий более высокий приоритет, чем старший картограф, и потому способный подключаться к любому разговору во внутрикорабельной сети, кроме прямого вызова капитана. – Но вряд ли это вооруженные гражданские. Слишком хорошее маск-поле.

– Ну… может, просто купили и поставили, – задумчиво предположил капитан.

– Я бы на это не рассчитывал. Но даже если и так, то в таком случае у них как минимум очень неплохое вооружение. Совсем не гражданское и даже не каперское, – упрямо возразил старший офицер. И Ваэрли был склонен с ним согласиться: генераторы маск-поля в перечне приоритетов и любого пирата, и любого капера были, пожалуй, на последнем месте. Тем более что на гражданские суда они изначально не ставились, даже на вооруженные. То есть их требовалось покупать. А смысла в этой покупке было немного, ибо более или менее надежно скрыть корабль (а не просто затруднить его идентификацию) маск-поле было способно только в случае полной неподвижности последнего и максимального «охлаждения» реактора. В противном случае даже гражданские сканеры засекали корабль под маск-полем на довольно большом расстоянии. А для всех обитателей Окраины самого факта наличия поблизости чужого корабля уже было достаточно, чтобы отвернуть в сторону и припуститься во все лопатки. На всякий случай. Так что включай маск-поле – не включай, конечный результат один – едва ты подаешь мощность на реактор, жертва сразу же дает деру. Вследствие чего смысл использовать маск-поле имелся только в том случае, если этот корабль притаился где-то в довольно ограниченной области, в которой его цель должна непременно появиться. Вроде и хрен бы с ним: мало ли мест для засады – комплексы по добыче ресурсов, торговые станции, свалки и тому подобное. Засел, дождался жертвы – внезапный залп на столь коротком расстоянии, и вот она, победа.

Но это кажется возможным, только если забыть о необходимости максимально «охладить» реактор. Как только реактор начнет разгоняться – корабль будет мгновенно обнаружен. А пока реактор не разогнался хотя бы на 20–25 процентов (для чего даже новенькому и самому современному реактору требуется от минуты до двух, что уж говорить о тех полуубитых «самоварах», которые стояли на большинстве местных посудин), ни о какой стрельбе и думать нечего. Ракетный же залп даже на столь малых дистанциях куда как менее эффективен, поскольку, во-первых, стартовавшим ракетам сначала нужно разогнаться, что дает подвергнувшимся нападению весьма солидное время реакции, а во-вторых, спарки непосредственной обороны на Окраине имеют даже внутрисистемные каботажники и подавляющее большинство мусорщиков. И пока их не выбили – атаковать противника ракетами почти дохлый номер. Либо до предела массировать залп, а это, скорее всего, приведет к тому, что после попадания ни о какой добыче уже речи не идет. Ну и на хрена козе баян?.. В общем, особого толку от генераторов маск-поля в действующих условиях никто особенно не видел. И если уж они были установлены, значит, вооружение на этих кораблях,

будь они даже гражданские, таково, что им точно мало не покажется. Но скорее всего, корабли были военными. И это было очень плохо.

– Хм, может, и так, – задумчиво отозвался Ник. – А все-таки на скорости загрузки как это отразится?

Старший картограф снова попытался улыбнуться… и зашипел: кожа губ не выдержала этого движения и лопнула, окрасив рот кровью.

«С-с-с… ка!» – мысленно ругнулся он, но тут же взял себя в руки и продолжил:

– Нам же не нужно рассмотреть каждую отдельную антенну или сервисный лючок на броне этих гадов, поставим минимальное разрешение. А это отнимет у нас, дай бог, пару процентов трафика, да и то на минуту-другую. Только чтобы опознать. Долбать их на большой дистанции у нас все равно нечем, а как подойдут поближе – нам и наших сканеров для наведения вполне хватит, даже если они поле не отключат.

– Ну, тогда давай, пробуй, – разрешил Ник.

Комбокоманду для базовых носителей Ваэрли составил еще в процессе разговора, так что сейчас он просто активировал ее виртуальным «кликом», одновременно с этим разрешив передачу информации кроме себя всем остальным членам экипажа, находящимся в рубке.

Некоторое время, пока летящие сейчас вокруг звезды по орбите радиусом около 4 световых минут погруженные в спящий режим базовые носители оживали и разворачивались своими сканерами в сторону приближающихся к «Искателю Терры» врагов, ничего не происходило. Затем несколько смазанных точек, обозначающих, что наперерез курсу картографического крейсера двигается около полудюжины чужих кораблей, мигнули и… расцветились яркими строчками, информирующими всех о типе, статусе, принадлежности и примерных боевых характеристиках приближающегося противника. Ваэрли окаменел. Точно так же, вероятно, отреагировали и все остальные. Почти все. Потому что кто-то из присутствующих в рубке обреченно выдохнул сквозь расплющенные перегрузкой губы:

– Нам – конец…

Глава 2

Очнулся Ник резко. Вот вроде только что он с трудом, скрипя зубами и матерясь, помогая себе левой рукой, на которой осталась всего пара пальцев, погружался во влажное нутро полевого реаниматора, в которое его торопливо, ругаясь сквозь зубы, заталкивал Грокк. И в следующее мгновение он вынырнул из забытья и уставился на медленно поднимающуюся крышку регенерационной капсулы. Несколько мгновений Ник тупо наблюдал за крышкой, а затем над капсулой склонилось озабоченное лицо Трис.

– Ну, ты как?

– Кха-ах… – Ник судорожно закашлялся. Лицо Страшилы зло скривилось и исчезло из поля зрения землянина.

– А-а-а! – испуганно взвыл кто-то и тут же торопливо забормотал: – А что вы хотите? Капсула четвертого поколения. Да и лицо у него все было – одно мясо. Кожа же сожжена. Вот маска и прилегла неплотно.

– Три-их, – откашлявшись, прохрипел Ник. – Не… кха… не трогай там никого. Я… мне уже лучше, – и, выпростав руки по сторонам, полез наружу из капсулы. Да уж, четвертое поколение оно, конечно, четвертое, но эта капсула к тому же, похоже, была еще и бюджетным вариантом. Очень даже бюджетным. Вон даже на рукоятках сэкономили – за борта капсулы хвататься приходиться. А они тонковаты – скрипят и гнутся. Так, глядишь, чуть сильнее надавишь – и все, треснут.

Выбравшись из капсулы, Ник окинул взглядом помещение, в котором находился. О том, что он находится не на крейсере, землянин догадался еще в тот момент, когда увидел открывающуюся крышку медкапсулы – не было у них в медсекции столь убогих капсул. Он тихо вздохнул. То, что его лечили где-то за пределами медсекции корабля, могло означать только одно – у «Искателя Терры» больше нет медсекции. И… он даже боялся уточнять, есть ли сам крейсер. Впрочем, по здравому размышлению все-таки, наверное, пока еще есть: если бы это было не так, вряд ли лицо Трис было таким… таким… усталым, скорбным, но спокойным.

Ник оглянулся и, заметив лежащий рядом с капсулой простой рабочий комбез, на который, однако, были прикреплены знаки различия капитана, принялся одеваться.

– Как наши дела?

– Корабль… есть, – с легкой заминкой ответила Трис.

– Многообещающе сказано, – криво усмехнулся Ник. – Люди?

– Погибло девяносто шесть человек. В том числе Грокк, – помрачнев лицом, сообщила Трис.

Ник зло заскрипел зубами. Каким бы занудным Грокк в последнее время не был, если бы не его появление – жизненный путь Ника завершился бы там, в переходном коридоре второго трюма. Ибо к моменту появления старшего офицера с его «пожарной командой» от той сборной солянки из офицеров мостика, интендантов, техников и пилотов, которую он, Ник, повел на затыкание очередного прорыва, в хоть как-то шевелящемся состоянии осталось всего шесть человек… А куда было деваться? К тому моменту, когда очередной абордажный бот рухнул на броню крейсера в районе второго трюма, все штатные противоабордажные расчеты уже вели кровопролитные схватки по всему кораблю. А бросать в бой двигателистов… В конце концов, в составе его сборной солянки почти половина офицеров и техников имела за плечами службу в десантном отряде военного флота клана Корт, а среди двигателистов таковых насчитывались единицы. Впрочем, оставшейся на мостике и потому пребывающей в состоянии бешенства Страшиле было приказано в случае, если до крейсера успеет добраться еще один абордажный бот, бросить в бой и их. Иначе было нельзя. К моменту, когда Ник покинул мостик, до прыжка им оставалось всего около пяти минут разгона. Так что им, кровь из носу, требовалось запереть абордажные команды во внешнем обводе крейсера и не дать им повредить систему управления – глупо было потерять корабль за считанные минуты до спасения. Правда, если учесть, что уже после начала его боя с абордажниками крейсер пару раз сильно тряхнуло со стороны кормы, а спустя пять минут, прошедшие в горячке боя незамеченными, они так никуда и не прыгнули, похоже, с ними перестали церемониться и начали лупить по движкам напрямую. Но раз он здесь и со Страшилой – прыгнуть им все-таки удалось.

Между тем Страшила продолжила:

– Остальных вытянули. Но состояние у них… – Трис зло скривилась. – Очень тяжелые повреждения были, а местные капсулы такое старье. Да ты сам знаешь, в каком они состоянии. Недаром все так рвались в наш медотсек… Так что людей надо отправлять долечиваться. Здесь это невозможно.

Ник молча кивнул. Это даже не обсуждалось. А потом осторожно поинтересовался:

– А с нашим медотсеком совсем гибло?

– На его месте оплавленная дыра, – зло отрезала Трис. Ник виновато поежился. Да уж, если бы от медотсека что-то осталось – неужели бы Страшила отправила его в эту убогую станционную клинику? Так что глупый вопрос, как ни крути.

– Кстати, именно там мы потеряли пятьдесят три человека. Когда эта чертова ракета нас догнала, в медкапсулах уже было почти четыре десятка наших ребят. И слава богам, что остальных еще не успели дотащить. В том числе и тебя.

Ник снова стиснул зубы, так что заболели челюстные мышцы, а затем потер виски и мотнул головой.

– Ладно, остальное – потом. На крейсер доступ есть?

– Абсолютный.

– То есть? – Ник удивленно воззрился на Трис. – Вы что, еще не начали ремонт?

Страшила криво усмехнулась.

– Пошли, сам все увидишь, – после чего резко развернулась и двинулась к двери.

– Да-а-а-а…

Крейсер впечатлял. Ник шумно выдохнул. Руины. Туша корабля висела всего в двух сотнях метров от прозрачного пластиколя, покрывающего внешнюю стену обзорной палубы станции на протяжении одиннадцати этажей, и была отлично видна со всеми, так сказать, печальными подробностями. Около нее несколькими роями назойливых мошек вилось десятка полтора пустотных ремдроидов. Навскидку – «Краб-2КУ» или какие-нибудь «Пауки».

– Дефектовку сделали? – помолчав, уточнил Ник и повернулся к Страшиле.

– Тебе сейчас ее сбросить или хотя бы поешь? – спокойно уточнила Трис. Ник покосился на нее и уныло махнул рукой.

– Хорошо, пошли перекусим. Заодно и дефектовку посмотрю. И… кликни уж и гра Ниопола.

– Его лучше пока не трогать, – тихо отозвалась Трис.

– Что… – Ник осекся.

– Акринен погибла…

Ник окаменел, а затем полузадушенно прохрипел:

– Ее же ранило… я же… я же отправил ее в… о черт!!!

– Да, – мрачно кивнула Страшила, – она успела добраться до медотсека.

Ник поднял лицо к потолку и прикрыл глаза. Как же это все… он тяжело выдохнул.

– Ладно, где будем есть?

– А вон там. – Трис махнула рукой в сторону уличной кафешки, расположенной на третьем уровне обзорной палубы. – Все равно как начнешь дефектовку смотреть, сразу же про еду забудешь и попытаешься рвануть на корабль, чтобы лично все руками пощупать. А я тебя не пущу, пока не поешь. Нечего желудок гробить, и так с этими капсулами здоровье только до 82 процента удалось

поднять. Так что сиди и пяльcя отсюда. А все остальное – потом.

Ник только молча кивнул.

* * *

Из кафешки они вышли только через три часа. И виноват в этом, естественно, был отнюдь не процесс насыщения. Более того, Ник съел только один омлет – до остального из заказа после того, как он открыл скинутый ему Трис файл с дефектовкой, дело так и не дошло.

До лифтового холла они дошли молча, а когда перед ними распахнулись двери огромной кабины общественного лифта, вмещающего сразу полсотни человек, Трис поинтересовалась:

– Куда едем?

– На крейсер, – хмуро буркнул Ник. Ему было от чего расстраиваться: судя по дефектовке, крейсер было проще построить заново, чем восстановить. Но Ник всегда исповедовал принцип – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

От шестого ремонтного дока до корабля был проложен ремонтный рукав, так что для того, чтобы попасть на крейсер, им даже не пришлось надевать скафандры. Едва они оказались на борту, Ник двинулся ко второму трюму. Трис молча шла за ним.

Это было путешествие скорби. Почти за каждым поворотом коридора или стенкой очередного отсека были видны следы жестокого боя – пролом, оплавленная дверь, разбросанные по палубе обломки ремдроида, щербины от пуль и потекший металл от попадания плазмы. Вот здесь ранило Акринен. Здесь он потерял двух электронщиков, а вот тут они положили целую пятерку нападавших. Этот седой техник, Конкрин, оказался мастером минирования. А вот тут… Ник прикрыл глаза.

* * *

Эта группа была уже шестой по счету. Первую волну из восьми абордажных ботов они смогли изрядно проредить своими спарками непосредственной обороны.

Вообще, результаты их боя на первый взгляд выглядели просто невероятными, о чем уже начали шептаться на станции. Вырваться из системы при подобном соотношении сил по всем расчетам было просто невозможно. И то, что Нику это удалось, казалось всем настоящим чудом. Но все было не так просто, как казалось на первый взгляд…

Нет, если бы «Искатель Терры» начал бы свой поворот чуть позже, эскадра, состоявшая из корвета, двух эсминцев, легкого и среднего крейсера, а также среднего носителя, должна была покончить с ним почти молниеносно, одним лишь артиллеристским огнем, не потратив на это ничего дороже стандартных артбоеприпасов и ресурса стволов. Ему просто нечего было противопоставить даже орудиям эсминцев или корвета, не говоря уж о крейсерах. Да что там говорить – для того чтобы разнести в клочья картографический крейсер, достаточно было бы артиллерии одного среднего крейсера (местные, что наемники, что пираты, очень не любили тратить дорогие ракеты и потому всегда старались обойтись одной артиллерией, применяя ракеты только в самом крайнем случае). Правда, в этом случае ковырять тушу их корабля тому пришлось бы не менее часа, но тут уж ничего не поделаешь – слишком крупным был их кораблик. Для того чтобы быстро вывести из строя подобного левиафана, требуется линкорный калибр. Впрочем, при более позднем повороте этот час у них в любом случае был бы… Но даже в данной ситуации после первого же требования заглушить двигатели, перейти на баллистическую траекторию и приготовиться к принятию досмотровой команды решение Ника – отключить связь и продолжать поворот – многим показалось бы самоубийственным.

В зону поражения серьезным калибром из числа тех, что имелись на сближающейся с «Искателем Терры» эскадре, они должны были войти как раз к моменту окончания поворота и перехода к разгону для прыжка. То есть в этом случае преследователи оказывались прямо за кормой. Бить же их крейсер прямо в корму тем калибром, что имелся у преследователей, бесполезно: факелы маршевых двигателей той мощности, которые стояли на «Искателе», работают куда эффективнее любой брони. Истребители из авиагруппы носителя, в принципе способные догнать их довольно быстро и зайти сбоку, не обладали достаточно мощным вооружением для того, чтобы серьезно повредить картографический крейсер.

Но… его явно атаковали не местные. И, судя по составу эскадры, состоящей исключительно из боевых кораблей, у них, скорее всего, отсутствовала привычка местных экономить дорогостоящее оружие (да и в случае столкновения с местными полностью исключать атаку ПКР было бы непростительной глупостью)… Однако с этого ракурса атаки одиночных ПКР также оказывались не слишком эффективны: в этом случае требовалось произвести маневр, дабы обойти факел двигателя, столкновение с которым грозило уничтожением ракет, а маневр выводил прямо под орудия непосредственной обороны целого борта (причем с крайне невыгодного для атакующих ракурса).

Правда, от ракетного залпа «Искатель Терры» это бы не спасло: судя по произведенной искином идентификации вражеских кораблей, приближающаяся эскадра была способна одним залпом выпустить полтора десятка тяжелых и около пяти десятков средних ПКР. И это не считая того, что еще на борту носителя должно было находиться от двух до четырех десятков (в зависимости от конфигурации) штурмовых ботов, которые, будучи снаряженными в торпедной комплектации, также могли нести от одной тяжелой до трех средних ПКР. С такой массой ракет непосредственная оборона «Искателя Терры» ничего сделать не могла. Да что там их крейсер, переоборудованный из пусть и военного, но транспортника, – со столькими ПКР ничего не могла бы сделать непосредственная оборона одиночного корабля любого класса. Даже линкора. От массированного залпа ПКР имеется только одна защита – многослойная противоракетная оборона целого ордера. Такая оборона состоит из истребителей, перехватывающих ПКР на дальних подступах, и сосредоточенного огня малых кораблей ПРО, в качестве которых выступают как эсминцы и фрегаты, так и крейсеры, вооружение которых специально заточено под задачи ПРО. Еще необходима согласованная работа станций электронного противодействия, сброс ложных целей и имитаторов. Все это должно привести к тому, что до зоны непосредственной обороны кораблей должны добраться только отдельные разрозненные ракеты, на их перехват которых и была рассчитана непосредственная оборона кораблей. Так что в случае ракетного залпа спасти картографический крейсер не смогло бы ничего…

Однако после некоторого размышления у Ника зародились кое-какие соображения, благодаря которым он счел опасность массированного ракетного залпа не слишком значительной. Во всяком случае, в ближайшей перспективе. Наоборот, из этих соображений следовало, что их попытаются захватить, причем в максимально возможной целости и сохранности… Во-первых, само место засады – противник прятался неподалеку от той орбиты, по которой двигались вышедшие на баллистическую орбиту вокруг центральной звезды носители

одноразовых зондов картографического комплекса. То есть если засада была именно против их корабля, место было выбрано просто идеально. Появившись в системе, «Искатель Терры» непременно направился бы к заранее известной орбите, чтобы собрать и загрузить картографический комплекс. Нет, вплотную к засаде они вряд ли подошли бы – сканирующий комплекс все равно обнаружил бы засаду, но только часа через три. А к тому моменту делать что-либо было бы уже поздно: никакой «нагруженный поворот» им уже не помог бы – слишком уж большая у их крейсера масса покоя. И ни совершить «нагруженный поворот» с хоть какими-то шансами на успех, ни просто затормозить и развернуться, а затем набрать скорость, как поступили бы лоханки поменьше, они бы просто не успели. Более того, рискни они сделать хоть что-то подобное – их просто догнали бы быстрее. Во-вторых – конфигурация ордера: вся эскадра была сосредоточена в одном месте, а не раскинута по всей системе с целью перекрыть все возможные векторы отхода.

Получалось, противник знал, что нужный ему корабль двинется в нужное ему место. А в ком он мог быть настолько уверен? Ник, кроме своего крейсера, других кандидатов на эти действия придумать не мог. Ну и в-третьих – состав эскадры. Если принять два первых предположения за истину, то формировать эскадру из подобных кораблей имеет смысл только в том случае, если ты собираешься взять корабль, подобный «Искателю Терры», на абордаж. Причем именно с минимальными повреждениями – в любом другом случае привлеченные силы не просто, а очень избыточны. А в этом… Истребители с носителя и эсминцы выбивают спарки ПКО, штурмовые боты с крейсеров и тех же эсминцев высаживают абордажные команды, а корвет… корвет, скорее всего, являлся носителем продвинутого сканерного комплекса, позволяющего надежно засечь любой корабль с очень далекого расстояния и под маскировочным полем. Против «Искателя Терры» он не особенно нужен, но от присутствия в ордере такого корабля вряд ли откажется любой командующий. То есть уничтожать их не собирались. А все возможные удары, не переводящие ситуацию в фатальную, здоровенная туша картографического крейсера должна была какое-то время переносить без особо тяжких последствий. Так что Ник решил рискнуть…

Но и те, кто называл их спасение чудом, тоже были правы. Ведь, как ни крути, операция была спланирована просто блестяще – кто мог знать, что Ваэрли насторожат мелкие нестыковки в телеметрии носителей по показаниям сенсоров, продолжавших в дежурном режиме мониторить систему? Организаторам засады пришлось взять под контроль несколько расположенных

поблизости от места засады носителей и передавать искаженную информацию, которая показалась старшему картографу заслуживающей того, чтобы потревожить капитана. И уж тем более никто не мог предположить, что Ник, основываясь лишь на смутных ощущениях, решит попросту бросить в системе далеко не дешевый картографический комплекс (поступок, находящийся для обитателей Окраины просто за гранью добра и зла) и сразу же начать поворот. А он так поступил, ибо паранойя Ника, воспитанная жизнью на Свалке и вскормленная наставлениями Лакуна, просто кричала: «Если все идет лучше, чем ты ожидал, значит, ты чего-то просто не замечаешь!» Их предприятие на Окраине все это время развивалось не просто успешно – даже слишком успешно. Поэтому сообщение старшего картографа Ник воспринял даже с некоторым облегчением («Ну наконец-то! Началось!»), не слишком сложным волевым усилием задавил собственную жабу и тут же начал действовать, пытаясь удрать из этой системы во все лопатки…

Вражеский средний носитель сбросил свои истребители уже через полтора часа, крейсер они догнали еще через двадцать минут и принялись активно обрабатывать спарки непосредственной обороны. Впрочем, с весьма средними успехами – уж слишком их было много, а вот самих истребителей маловато. Чтобы надежно подавить орудия непосредственной обороны на поверхности подобной площади, по нормативам нужно было задействовать не менее двух сотен истребителей, а средний носитель выпустил всего семь десятков – вполне соответствующее флотским нормам для этого класса корабля количество. Впрочем, уровень подготовки у пилотов этих истребителей оказался настолько высок, что их эффективность превышала среднестатистическую как бы не вдвое. В общем, сразу после того, как отметки действующих спарок на развернутом перед мысленном взором Ника экране БИУСа крейсера стали активно гаснуть, ему окончательно стало понятно, что против них действуют отнюдь не местные. И состав кораблей (ни одного вооруженного транспорта), и умелые действия не одного-двух, а всей массы пилотов-истребителей, и общая четкость маневров, и продуманность засады, не завершившейся успехом только из-за того, что его паранойя за последние несколько месяцев взлетела на ранее недосягаемую высоту, прямо кричали о том, что против него действует элита. Это было очень плохо, потому что элита работает только на очень серьезных людей. Даже если в этот раз они и вывернутся (что пока еще не факт), как жить дальше – совершенно непонятно. Во всяком случае, до того момента, как выяснится, кому именно из весьма могущественных личностей или сил землянин (или, с куда меньшей вероятностью, кто-то еще из состава его экипажа) наступил на любимую мозоль. А это означало не только начало охоты на него, но и непосредственные материальные потери: до разрешения сложившейся ситуации

заниматься дальше уже освоенным и начавшим приносить весьма солидные деньги делом было нельзя. А коли так, «Искатель Терры» превращался из солидной и приносящей такие же солидные доходы инвестиции в головную боль, тянущую никак не менее солидные ресурсы. Впрочем, об этом можно (и нужно) было подумать попозже…

Однако какими бы искусными пилотами ни были вражеские истребители, их было слишком мало, и это обстоятельство поворачивало-таки ситуацию в сторону «Искателя Терры». Спарки вели огонь, истребители получали повреждения и выходили из боя. Несмотря на всю искусность пилотов и снижение количества действующих спарок, количество активно действующих истребителей, даже в относительных величинах, уменьшалось быстрее, чем численность подавленных орудий, которые к тому же постепенно, но неуклонно снова вводились в строй ремкомплексом крейсера… Вот если бы одновременно с истребителями обстрел начали бы еще и эсминцы – спарки закончились бы довольно быстро. Но те, хоть и двигались заметно быстрее основной группы и сумели приблизиться к «Искателю Терры» на расстояние обстрела главным калибром, просто не успевали догнать крейсер и обойти его с боков: факел главных маршевых двигателей помешал бы им принять участие в обстреле до того момента, когда возможность помешать прыжку выглядела бы достаточно реализуемой.

Именно поэтому вражеский командир предпочел рискнуть и пойти ва-банк, выпустив одни истребители – видно, понадеялся на то, что на крейсере Ника только гражданский экипаж, штатские задергаются и наделают ошибок, которыми смогут воспользоваться его профессионалы (своим прежним опытом службы бывшие десантники, пилоты и техники флота клана Корт здесь особенно не светили). А может, он ни на что не рассчитывал, а лишь просчитал тактическим искином все возможные варианты и выбрал из них тот, который имел наибольшую вероятность успеха, пусть даже эта вероятность и не превышала двадцати семи процентов (ну, судя по тому, что выдала командная сеть крейсера)… В этом случае при условии, что Ник правильно просчитал цели и рамки действий противника, следующим действием должна была стать попытка абордажа. Хотя по всем классическим нормам при столь малом числе выбитых спарок непосредственной обороны идти на абордаж было рано. Однако противник все-таки рискнул.

– Наблюдаю восемь целей, скоростные, маломаневренные, предположительно десантные боты, – тут же доложил оператор кормового сканирующего

комплекса. Ник несколько мгновений молча наблюдал за приближающимися точками, а затем коротко приказал:

– Старшему офицеру – рассчитать тактику противооабордажых мероприятий.

Согласно корабельному уставу именно Грокк возглавлял весь противоабордажный наряд крейсера – ему и карты в руки.

Самым важным в противоабордажной тактике было то, в какой момент и насколько необходимо снизить интенсивность разгона. Все противоабордажные подразделения на борту хотя и являлись, так сказать, нештатными (поскольку «Искатель Терры» являлся не боевым, а картографическим крейсером), были полностью оснащены и вооружением, и боевой броней, и даже достаточным количеством дроидов поддержки. Еще во время продажи содержимого трюмов транспорта Ник сохранил достаточно снаряжения, чтобы противоабордажная команда крейсера была вооружена по максимуму. Однако даже встроенный экзоскелет боевой брони восьмого поколения не позволял действовать с требуемой эффективностью при перегрузке более двух единиц. Так гласила и инструкция, и опыт, которым обладали бывшие десантники клана Корт. Впрочем, по слухам, при перегрузке в четыре единицы и более или менее аккуратных действиях оператора броня еще могла обеспечить действия ее носителя без серьезных повреждений в процессе использования, но в этом случае движения облаченных в боевую броню людей больше напоминали борьбу морских черепах, выброшенных из привычной среды на берег.

Они же все еще разгонялись при семи с половиной – учитывая состояние людей после двух с лишним часов такой перегрузки, интенсивность разгона так или иначе придется заметно снижать.

Грокк не подвел. Нет, Ник и раньше знал, что тот способен на многое, иначе давно бы нашел возможность убрать его из старших офицеров крейсера, но то, что он показал во время этого боя…

Интенсивность разгона они снизили в тот момент, когда вражеские боты находились на расстоянии нескольких сотен метров от обшивки крейсера и уже легли на боевой курс. Едва маршевые двигатели сбросили тягу, «Искатель Терры» будто слегка вздыбился и присел, а вражеские боты поволокло вдоль его огромного борта, отчего их пилотам пришлось закладывать сложный маневр,

уходя от столкновения с бортом крейсера, а затем разворачиваться и снова заходить на цель. Это привело к тому, что время нахождения десантных кораблей в зоне поражения спарок непосредственной обороны оказалось раза в три больше изначально запланированного, и из восьми абордажных ботов достигнуть обшивки и зацепиться за нее смогли только два. Остальные шесть получили по полной и, резко снизив скорость, исчезли за кормой.

Две оставшиеся группы Грокк сумел заблокировать неподалеку от собственных десантных ботов, изрядно проредив нападавших, выбив у них дроидов поддержки и сбросив атмосферу в захваченных отсеках. Однако заставить их покинуть борт ему не удалось, а оставшиеся прикрывать абордаж полтора десятка относительно целых истребителей за то время, пока весь огонь спарок оказался сосредоточен на ботах, сумели снова изрядно проредить орудия непосредственной обороны. К тому же им неплохо помогли оба эсминца. Они приблизились к «Искателю Терры» настолько, что теперь угол обстрела позволял им бить по крейсеру, не задевая факел маршевых двигателей, из-за чего следующая четверка ботов достигла борта «Искателя Терры» почти беспрепятственно. Численность противоабордажного отряда крейсера была невелика, поэтому, если с первой волной им удалось справиться довольно быстро и без особенных потерь, со второй волной, оказавшейся вдвое больше, пришлось повозиться.

Однако Грокку удалось остановить продвижение по кораблю и этих нападающих. Оставив для контроля уже заблокированных абордажников весьма незначительные силы, он сформировал еще три дополнительные боевые группы из до сего момента не задействованных, но обладающих опытом непосредственной схватки ветеранов. Нику даже начало казаться, что все сейчас закончится, что они вырвутся, тем более что счетчик времени до начала прыжка уже отсчитывал последние минуты. Но тут с эсминцев подошло еще два бота с абордажными группами (очень похоже, это были те, которые удалось повредить при первой атаке, но, как видно, повредить не слишком сильно), а сил, чтобы отбиваться от вновь прибывших, у их небольшого по меркам военного корабля экипажа уже не осталось. Ну почти не осталось. Вот тогда-то он и выскочил из своего ложемента, собрал, кого смог, и ринулся навстречу судьбе в надежде, что они успеют хотя бы задержать продвижение противника и не дать ему захватить ключевые точка корабля до начала прыжка. И сначала ему вроде как это даже удалось, но потом его зажали вот здесь, у второго трюма, зайдя справа и сверху, через воздушные магистрали…

* * *

По останкам крейсера (а иначе это было назвать сложно) они с Трис лазали часа четыре. Причем то ли так случайно получилось, то ли просто Ник инстинктивно оттягивал момент встречи с инженером, в двигательный отсек они добрались уже под самый конец. Впрочем, лазал он не зря, по следам боя и комментариям Трис установив, что под конец боя противник все-таки рискнул ударить по крейсеру несколькими средними и парочкой тяжелых ПКР. И хотя сбить прыжок ему так и не удалось, именно эти ракеты и нанесли «Искателю Терры» основные повреждения.

В отличие от остальных палуб, в двигательном отсеке было относительно многолюдно. Во всяком случае, на трех верхних уровнях двигательного отсека им повстречалось четверо техников, в то время как на всем остальном корабле они встретили только двоих.

Гра Ниопол был в отсеке левого нижнего двигателя – как следовало из дефектовки, наименее пострадавшего из числа тех, которые были выведены из строя. Они со Страшилой разглядели его не сразу, тем более что он был в отсеке не один: пятеро техников возились прямо у двери, занимаясь, судя по всему, ремонтом главного энерговода двигателя. Еще трое ковырялись у сердечника со снятым кожухом, а чуть в стороне, у блока диагностических разъемов, маячила еще одна сгорбленная фигура.

Ник прошел через распахнутые и заблокированные в этом состоянии створки отсека и тихо поздоровался. Техники у энеговода и сердечника ответили ему вразнобой, но дружно, а вот фигура у диагностических разъемов просто обернулась. Ник замер. Несколько секунд они с инженером молча смотрели друг на друга, а потом Ник, сглотнув, растерянно произнес:

– Гра Ниопол, мне… я… черт, простите!

– За что, капитан? – грустно улыбнувшись, произнес инженер.

– За то, что затащил вас сюда, на Окраину, – глухо произнес Ник. – Вас и Акринен.

При звуках этого имени лицо гра Ниопола страдальчески перекривилось, так, что казалось – еще мгновение и из его глаз потекут слезы, но он справился с собой и, сделав пару глубоких вдохов, заговорил почти нормальным голосом:

– В этом нет вашей вины. Это… это было решение Акринен. И приняла она его без какого бы то ни было внешнего давления. Наоборот, я попытался отговорить ее. Но она была пилотом, причем военным пилотом и, кроме того, еще и лузитанкой. Так что у меня ничего не получилось. Да и не могло получиться. Вашей вины в этом нет.

Ник молча склонил голову. В принципе так оно и было, но у него не было никакой уверенности, что инженер это понимает. Когда людям плохо, больно и горько, очень у многих возникает желание найти виновного в этом. Хоть кого-нибудь. Ну не может же быть так, что нам плохо и больно, а в этом никто не виноват? Даже, например, стул или угол… А терять его Ник очень не хотел. Не в этой ситуации. Впрочем, то, что инженер все понимал правильно, ничего не гарантировало.

Они помолчали некоторое время, а потом Ник осторожно спросил:

– Вы занялись двигателями?

Гра Ниопол кивнул:

– Да… работа отвлекает, знаете ли. Хотя бы немного. К тому же для того, чтобы отремонтировать наш корабль, нам все равно придется отправляться в цивилизованный космос. Здесь для подобного ремонта нет ничего – ни эллингов подходящего размера, ни запчастей, ни людей. А если все это заказать – то это нам обойдется в сумму, равную стоимости десятка наших кораблей. Так что ремонтировать двигатели нужно при любом раскладе… – Гра Ниопол замолчал, повел плечами, кашлянул, а затем закончил: – Даже если вы решите не восстанавливать корабль, а продать его на запчасти.

Ник замер, а потом медленно кивнул. Да, все верно – есть и такой вариант. Смешно считать, что если тебе не хочется о нем думать, то его просто не существует. И в этом случае им тоже надо лететь в цивилизованный космос: несмотря на то что цены на запчасти на Окраине обычно заметно выше, чем там, здесь, во Фронтире, большую часть оборудования корабля просто никто не

купит. Ну кому, скажем, могут пригодиться огромные движки, если подавляющее большинство местных кораблей принадлежит к классу вооруженных средних транспортов, а те, что из военных, – к корветам. Эсминец по местным меркам уже вполне себе крупный корабль, а уж крейсера здесь вообще считаются чуть ли не за линкоры. И причина этому одна – стоимость обслуживания.

Любая военная техника, что боевой корабль, что боевой самолет, что танк или дроид – это машины, так сказать, предельных параметров. В каждую из них всегда стараются напихать по максимуму оружия, боеприпасов, брони и обеспечить всему этому максимальную скорость и маневренность. Это требует от всех систем и механизмов того же боевого корабля возможности работать в максимально форсированном режиме, что очень и очень плохо сказывается на ресурсе, а также требует использования очень дорогих технологий, дорогих материалов и регулярного дорогостоящего обслуживания. Да, можно создать корвет со стоимостью текущего обслуживания обычного транспортника, но только с применением супердорогих технологий и материалов, поэтому стоить он будет не меньше легкого, а то и среднего крейсера. Экономика какого государства способна выдержать флот

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Противокорабельные ракеты.

2

Нерв специальной чувствительности, отвечающий за передачу слуховых импульсов и импульсов, исходящих из вестибулярного отдела внутреннего уха.

3

Ракета дальнего действия.

4

Головка самонаведения.

5

Ускорение свободного падения – ускорение, придаваемое телу силой тяжести, т. е., так сказать, физическое выражение термина «сила тяжести». Обозначается буквой G. Стандартное значение для Земли в приблизительных расчетах обычно принимают равным 9,8 м/с

.

Купить: https://tellnovel.com/roman-zlotnikov/na-sluzhbe-velikogo-doma

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити